УДК 340.1

Н. В. Малиновская

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА В ТРАДИЦИИ ИУДАИЗМА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОСТЬ*

*Статья публикуется в порядке дискуссии о правовой интерпретации в историческом аспекте

Аннотация: в статье анализируются особенности первых интерпретационных практик на примере древнеиудейской традиции толкования. Автор указывает на сложность системы объектов и субъектов интерпретации, выводит систему методов древнеиудейского толкования права и прослеживает их взаимосвязь с современной техникой правовой интерпретации.

Ключевые слова: толкование права, иудейская правовая традиция, Священное Писание, преемственность правовой интерпретации.

UDK 340.1

N. V. Malinovskaya

LEGAL INTERPRETATION IN JEWISH TRADITION: THE HISTORY OF FORMATION AND IMPACT ON THE MODERNITY*

* Article is published as a discussion about legal interpretation in historical aspect

Abstract: in the article the peculiarities of the first practices of interpretation are analyzed basing on the example of Jewish tradition. The author emphasizes the difficulty of the system of objects and subjects of interpretation, shows the methodological system of ancient Judean legal interpretation and traces its connection with the modern techniques of legal interpretation.

Keywords: legal interpretation, Jewish legal tradition, Holy Scripture, continuity of legal interpretation.

Введение

Толкование права представляет собой один из наиболее сложных и дискуссионных правовых процессов. Несмотря на множество подходов к его изучению в юридической среде до сих пор нет единства мнений о роли и значении правовой интерпретации для изменения смысла закона. Толкование неоднозначно соотносится с процессом правотворчества. Однако многие спорные моменты удается прояснить, если обратиться к первоосновам современного толкования права — первым практикам правовой интерпретации. Одной из наиболее древних и одновременно — наиболее выдающихся по своим результатам — является интерпретация правовых норм в древнеиудейской традиции.

Специфика древнеиудейского толкования права и его историческая преемственность

Интерпретационная практика еврейского народа сформировалась на основе текстов Ветхого Завета, получивших на иврите общепринятое наименование Танах [1]. Система объектов древнеиудейской интерпретации была весьма сложной и характеризовалась той отличительной особенностью, что каждый предшествующий объект толкования порождал последующий в том смысле, что результаты толкования в дальнейшем становились самостоятельными объектами интерпретации. Таковыми, в частности, являлись:

- десять заповедей как регулятивная основа иудаизма;
- совокупность текстов Ветхого Завета, из которых особо выделяется Пятикнижие Моисея (часто отдельно именуемое Торой);

- постановления знатоков Священного Писания соферов;
- народные обычаи в их соотношении с нормами Ветхого Завета;
- Мишна как часть Талмуда, созданная таннаями (законоучителями I—II вв. н. э.);
- Гемара сборник комментариев к Мишне (V—VI вв. н. э.).

Последовательный анализ указанных объектов правовой интерпретации древнего иудаизма позволяет сделать вывод о развитии в нем специфического феномена «толкования на толкование». Это подтверждает то обстоятельство, что толкование права и в древние времена обладало свойством самовоспроизводства, которое приводило к развитию новых интерпретационных практик и одновременно способствовало появлению, по сути, новых правовых установлений.

Возможность бурной интерпретационной деятельности была обусловлена множественностью субъектов толкования, среди которых в качестве родоначальника интерпретационной деятельности справедливо должен быть назван пророк Моисей. Ему как первому духовному лидеру еврейского народа принадлежало право суда на основании тех регулятивных норм, которые им же самим были доведены до общества. Очевидно, что поскольку Ветхий Завет говорит об отправлении правосудия еще до сообщения Богом десяти заповедей, суд вершился на основе имевшихся народных обычаев и религиозных убеждений, которые, как и заповеди в дальнейшем, могли служить лишь общим руководящим началом и требовали толкования и детализации в отношении каждого конкретного случая. Очевидно также и то, что одному человеку было не под силу рассудить тяжбы всего народа, и поэтому, чтобы люди не стояли перед Моисеем «в ожидании суда с утра до вечера» (см. Исх. 18:13) [2], часть судебных функций была переложена им на «людей способных, боящихся Бога, правдивых, ненавидящих корысть», которые осуществляли суд в отношении десяти, ста или тысячи подсудных им израильтян. При этом прерогатива разрешения наиболее сложных дел оставалась за Моисеем (Исх. 18:21, 22). Таким образом, первоначальными субъектами толкования в древнем иудаизме являлись Моисей и назначаемые им лица, а толкование было неотделимо от осуществления правосудия.

К числу других субъектов толкования первых регулятивных норм можно отнести *старейшин* рода или глав семейств, обладавших некоторыми судебными полномочиями, а также *«шофтим»* («судей»). Следует заметить, что все вышеуказанные субъекты не обладали официальным государственно облаченным статусом, в том смысле, что вся упомянутая выше деятельность развивалась еще до момента возникновения государства у древних евреев. И данный факт имеет неоспоримое значение для современного понимания права как регулятора, способного к развитию и реальной эффективности в отсутствие принудительной силы государства.

Более осознанный и целенаправленный характер интерпретационная деятельность приобрела с появлением приблизительно в VI—V вв. до н. э. соферов («книжников»), занимавшихся переписыванием и изучением священных книг в целях поддержания самобытности иудейской религии.

В ходе осуществления переписи они несомненно прибегали к толкованию непонятных фрагментов текста, которые нередко поясняли своими словами или сокращали. В эпоху после вавилонского плена соферы организовывали публичные чтения и разъяснение Танаха народу: они поясняли закон, «читали из закона Божия внятно и присоединяли толкование» так, что «народ понимал прочитанное» (Heem. 8:7, 8). В процессе толкования соферы формулировали и собственные суждения относительно норм Ветхого Завета в целях дополнительного обоснования и придания авторитета Священному Писанию. В связи с этим в интерпретации соферов принято различать два вида постановлений: 1) более подробное разъяснение предписаний Торы; 2) постановления, принимаемые и вводимые в жизнь непосредственно самими соферами, которые представляли собой логическое продолжение норм Священного Писания [3].

Хотя соферов можно назвать первыми профессиональными интерпретаторами Танаха, они не разработали какой-либо специальной методики толкования. Их интерпретационная деятельность привела к созданию так называемой «ограды вокруг закона» — норм, которые наряду с обычаями пользовались в народе авторитетом, практически равным Священному Писанию.

Заложенные соферами предпосылки методологических основ интерпретации получили развитие в деятельности фарисеев и саддукеев — так называемых сект эпохи Второго Храма II—I вв. до н. э. [4] Ввиду различий в происхождении, целях интерпретационной деятельности, для них характерны и неодинаковые методики толкования. Так, саддукеи считали себя охранителями закона Моисея от произвольных «наслоений» человеческой мысли, выступая против нормативной значимости интерпретаций соферов, и потому предпочитали буквальное толкование текстов Писания. Фарисеи, отражавшие интересы низшего и среднего классов, были более прогрессивно настроенными интерпретаторами и ставили целью согласование норм Танаха с изменившимися условиями жизни без изменения и подрыва основ иудаизма. Не придерживаясь буквального толкования Священного Писания, фарисеи истолковывали его «по духу целого», и в этом усматриваются первые попытки иудейских интерпретаторов проникнуть в суть, общий смысл высказывания, опуская некоторые детали или адаптируя их сообразно с духом времени.

Последующие интерпретаторы правовых установлений Священного Писания—таннаи—развивали сложившиеся основы древнеиудейскоого толкования, по итогам анализа которых можно выделить ряд интерпретационных приемов, часть которых весьма близка современным практикам толкования права.

1. Умозаключение по аналогии.

Так, в Исходе (21: 26, 27) говорится, что если кто ударит своего раба или рабыню и повредит им глаз или выбьет зуб, то в качестве компенсации он обязан отпустить их на волю. Отсюда вытекает неясность, следует ли освобождать раба в случае причинения ему иных физических увечий, поскольку очевидно, что глаз и зуб являются не единственными важными органами человеческого тела. Иудейское толкование в данном случае шло по пути выделения тождественных понятий, то есть органов, соотносимых по значимости с глазами и зубами. К числу таковых причислялись нос, пальцы рук и ног, а также конечности в целом.

2. Выводы из тождественных понятий создавали прецеденты, позволявшие применять следующий метод толкования — конструирование общей посылки для не-

скольких регулятивных норм. В контексте приведенного выше примера таковой посылкой стала обязанность освобождения рабов в случаях повреждения им тех органов, которые не способны регенерировать [5].

3. Ограничительное толкование.

Когда законодательная формулировка давалась в такой обобщенной форме, что ее буквальное применение противоречило канонам здравого смысла, смысл нормы конкретизировали и сужали посредством толкования.

Регулирование Священным Писанием института развода предусматривало для мужа необходимость дать жене «разводную бумагу», т. е. письменный документ о разводе. Однако основание выдачи «разводной бумаги» оставалось крайне неопределенным: «если он находит в ней что-нибудь противное» (Втор. 24 : 1). Употребляемый здесь еврейский термин "erwat dabar" имеет значение «неподобающий», «неприличный» [6, с. 205—207]. Трактуя его расширительно, можно подвести под него практически любой проступок, что и делает Гиллель, включая в «неподобающее» поведение жены даже испорченный обед. Шаммай, напротив, со свойственным ему ограничительным интерпретационным уклоном указывает на «неприличное» единственно как на противное нравственности. Отсюда следует вывод, что это не может быть такое тяжкое правонарушение, как прелюбодеяние (супружеская измена) жены, ибо за нее Ветхий Завет предусматривает наказание смертью. В связи с этим, исходя из традиций иудаизма, Шаммай определяет, что «неподобающим» является нахождение замужней женщины в публичном месте с непокрытой головой или обнаженными руками.

С позиций здравого смысла и требований гуманизма расширительное толкование Гиллеля выглядит неприемлемым. Однако положение женщины по Ветхому Завету не отличалось широким спектром прав, поэтому интерпретация Гиллеля вполне могла применяться. И, наоборот, гуманистические рассуждения Шаммая воспринимались далеко не всегда.

4. Расширительное толкование.

Данный способ интерпретации был одним из наиболее широко применяемых, наряду с ограничительным толкованием, и представлял собой расширение смысла текстуального выражения нормы. Так, норма книги

Исхода «не совершай никакой работы в день субботний» (Исх. 20: 8—11) закономерно вызывает вопрос, что именно вкладывается в понятие «работы». Изначально интерпретация шла по пути расширительного толкования, когда соферы включали в него и такие виды развлекательной по своему характеру деятельности, как верховая езда и занятия танцами. В дальнейшем, однако, фарисеи и таннаи отменили такую трактовку, определив «работу» как тяжелую физическую деятельность и исключив из нее виды развлечений.

5. Сравнение параллельных отрывков Священного Писания.

Данный способ применялся в случае обнаружения в Ветхом Завете норм, противоречащих друг другу. В таком случае иудейские интерпретаторы считали, что разрешение коллизии возможно лишь путем нахождения третьей нормы, согласующей две предыдущие.

Примечательным в этом отношении является пример с правовым положением женщины-рабыни. Исход (21:7) устанавливает запрет на ее освобождение: «если кто продаст дочь свою в рабыни, то она не может выйти так, как выходят рабы». Из этого следует, что Библия четко разграничивает половую принадлежность применительно к понятию «раба», которое в данном случае не может являться обобщающим, как это нередко было в других исторических памятниках эпохи рабовладения. Однако во Второзаконии мы находим противоположную норму, предусматривающую обязанность отпускать на волю рабов обоих полов еврейского происхождения, отработавших шесть лет в услужении (Втор. 15 : 12–14). Условия освобождения, равно как и последствия нежелания раба уйти на волю, одинаковы для мужчин и женщин. Противоречие между Исходом и Второзаконием очевидно. В данной ситуации иудейское толкование прибегает к третьему положению — отрывку из книги Левит, говорящему о необходимости различать рабов-единоверцев, имевших статус «наемников», «поселенцев» («когда обеднеет брат твой и продан будет тебе, не налагай на него работы рабской»), и рабов из числа других народов, которыми можно и должно владеть вечно (Лев. 25: 39, 44–46). Отсюда делается закономерный вывод, что книга Исхода говорит о судьбе рабыни-иноземки, в то время как израильтянка, попавшая в рабство, может и должна быть отпущена на общих основаниях. [6] 6. Прием доведения до абсурда.

Данный метод толкования часто использовался фарисеями и таннаями в целях смягчения и гуманизации норм Священного Писания, касающихся уголовной ответственности и наказаний. Так, Ветхий Завет не управомочивает родителей на самостоятельное распоряжение жизнью и смертью их детей, однако провозглашает их право требовать умерщвления непокорных сыновей: «если у кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их», родители вправе привести его к старейшинам города и публично обвинить в неповиновении, после чего жители забьют его камнями до смерти (Втор. 21: 18–21). Формулировка данной нормы касаемо «буйства и непокорности» настолько широка, что при расширительном и даже буквальном подходе могла оправдать применение смертной казни практически в любой ситуации. Во избежание этого таннаи при толковании для применения указанной нормы выводили несколько слагаемых условий: сын должен быть младше определенного возраста, т. е. до его «возмужания», оба родителя должны быть живы и оба согласны на умерщвление непокорного. В дополнение ко всему родители имели право выдвинуть обвинение только при равенстве их социального происхождения (должны быть «достойны друг друга») и наличия у них одинакового тембра голоса. Последнее представляет собой ни что иное, как доведение смысла нормы до абсурда, однако обусловлено благой целью — стремлением сохранить человеческую жизнь.

Все вышеперечисленные приемы толкования использовались для приспособления норм Священного Писания к изменившимся социально-экономическим реалиям. Фактическому изменению правовых предписаний способствовал и прием введения символических фикций, творцом которых в иудейской правовой системе считается Гиллель.

Под фикцией понималось определенное действие, олицетворявшее собой наличие юридического факта, не существовавшего в действительности. С течением времени исполнение отдельных библейских законов становилось затруднительным

и было сопряжено с большими неудобствами на практике, в связи с чем возникала необходимость ограничения пределов их действия или вообще — отмены. Это становилось возможным при помощи фикций, позволявших фактически изменить норму Священного Писания, не отменяя и не преобразуя ее формально. Наряду с фикциями чисто религиозного характера, существовали и фикции, имеющие юридическое значение. Наиболее известными древнеиудейскими фикциями являются «прозбол» и «таккана». Каждая из них преследовала целью обхождение устаревших законодательных установлений без их прямой отмены (которая была в принципе невозможна). На наш взгляд, конструирование фиктивных правовых положений уже свидетельствовало о развитии правового текста посредством интерпретации, когда благодаря последней создавались новые по характеру регулирования правовые нормы — интерпретационный процесс, в котором ярко проявляются элементы правотворчества.

Заключение

Выделяя особенности древнеиудейской интерпретации, следует отметить, что они сложились под влиянием причин как общего (изменение социально-экономических условий общественной жизни), так и специфического характера — когда очередные результаты толкования становились непосредственным стимулом к его дальнейшему развитию. Развивавшийся таким образом особый феномен иудаизма — «толкование на толкование» — стал главным фактором динамики правовой системы, основывавшейся на религиозных догматах, и способствовал преодолению излишнего, с точки зрения изменявшихся социальных представлений, консерватизма наряду с сохранением и уважением древних традиций. Иудейское толкование Ветхого Завета имело явно выраженный правовой характер и заложило основы для дальнейшего развития правовой интерпретации. Посредством толкования еврейский народ не только укреплял и обосновывал священные догмы, но и выводил самостоятельные регулятивные нормы, в большей мере отвечавшие потребностям жизни. Многие правила и методики толкования, выведенные мудрецами древнего иудаизма, и в настоящее время используются в правовой сфере: метод аналогии, сравнения и сопоставления понятий, систематическое, расширительное и ограничительное толкование, а также выведение юридических фикций.

Значимость иудейской интерпретации заключается в том, что она не только положила начало такому крупному блоку толкования как библейская герменевтика, но и заложила основы юридического толкования еще до развития интерпретационных практик Древнего Рима, а потому может считаться истоком юридической интерпретации наряду с древнеримским толкованием права. Традиции древнееврейского толкования заложили основу в формировании и развитии последующих практик толкования, которые применяются и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Вихнович В. Л.* Иудаизм / В. Л. Вихнович. СПб. : Питер, 2006. 224 с.
- 2. Библия. Синодальный перевод. URL: http://days.pravoslavie.ru/Bible/Index. htm (дата обращения: 12.11.2017 г.)
- 3. Электронная Еврейская Энциклопедия. URL: http://www.eleven.co.il (дата обрашения: 15.11.2017 г.)
- 4. Еврейская энциклопедия / под общей ред. Л. Каценельсона. СПб. : Общество для Научных Еврейских Изданий и Издательство Брокгауз-Ефрон, [1908—1913]. Т. 15. 960 с.
- 5. Еврейская энциклопедия: в 16 т. / под общей ред. Л. Каценельсона. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Издательство Брокгауз-Ефрон, [1911]. Т. 8. 972 с.
- 6. The Cambridge history of the Bible: In 3 vol. V. 1: From the beginning to Jerome / Edited by P. R. Ackroyd and C. F. Evans Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 691 p.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронежский филиал)

Малиновская Н. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры государственноправовых дисциплин

E-mail: ilbas@mail.ru Тел.: 8 (473) 253-85-09